

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук,
профессора ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени
В.Г. Тимирязова» Агапова Олега Дмитриевича
на диссертационное исследование
Попова Дмитрия Владимировича
на тему «Управление жизнью: философско-антропологические
основания, потенциал и перспективы биополитики»,
представленной на соискание ученой степени
доктора философских наук по специальности
5.7.8. – философская антропология, философия культуры
(философские науки).

Актуальность избранной Д.В. Поповым темы диссертационного исследования не подлежит сомнению, как в теоретическом, так и практическом плане. Например, тематика «управления жизнью» была интересна в конституировании философского и социально-гуманитарного познания в нач. XX в. Ярким примером может выступить работа Г. Мюллера и О. Кильдюшова, посвященная одному из основных концептов «понимающей» социологии Макса Вебера. В частности, они напоминают, что и Баденская школа неокантианцев работали с такими понятиями, как «жизненные шансы», «жизненные силы», «методика жизни», «порядки жизни», «регламентация жизни», «стили жизни», «способы ведения жизни».

Ключевым термином для самого М. Вебера стал концепт «*ведение жизни*». Исследователи отмечают: «человек и его способ ведения жизни — в конечном счете именно на это направлены все его исследования. Для него всегда было важно при изучении «хозяйства и общественных порядков и сил» также обращать внимание на то, какой *человеческий тип* и какой *способ ведения жизни* поддерживается господствующей культурой. *Ведение жизни есть шарнир, соединяющий индивида и общество.* У Вебера речь идет о месте

человека и его личности в констелляции современных ценностных сфер и жизненных порядков»¹.

В мире Модерна/Современности, где произошла рационализация жизни, ее расколдовывание, практики «ведения жизни» оказывается производством жизни / «management of living». Ганс Мюллер делает уточнение, что «*стили жизни* могут быть поняты «как структурированные в пространстве и времени образцы ведения жизни, зависящие от ресурсов (материальных и культурных), форм семьи и домохозяйств, а также от ценностных установок. *Ресурсы* означают жизненные шансы, соответствующие опции и возможности выбора; форма домохозяйства и семьи обозначает жизненную, жилищную и потребительскую единицу; наконец, *ценностные установки* определяют доминирующие цели жизни, формируют менталитет и выражаются в специфическом габитусе»².

Ганс Мюллер выделяет порядка десяти образцов *ведения жизни*, которые кажутся репрезентативными для духа эпохи. Среди них: 1) Глобальные и транснациональные способы ведения жизни; 2) Лаборизированное ведение жизни; 3) Гибкие способы ведения жизни; 4) Проектный способ ведения жизни; 5) Ускоренное ведение жизни; 6) Рискованный и/или неустойчивый способ ведения жизни; 7) Креативный способ ведения жизни; 8) Поднадзорное ведение жизни; 9) Дигитализированный способ ведения жизни; 10) Рефлексивный способ ведения жизни³.

Институализация концепта М. Вебера «*ведение жизни*» в современных социально-гуманитарных дисциплинах получила воплощение в таких терминах и стратегиях познания, как «*социальная структура жизненного пути*» и «*биография как институт*»⁴. В итоге Блоссфельд Х. и Хьюинк И. предлагают рассматривать «*жизненный путь* как последовательность более или менее

¹ Мюллер Г., Кильдюшов О. Введение жизни: систематический очерк в контексте исследовательской программы М. Вебера // Социологическое обозрение. – 2017. Т.16. №3. – С.111 – 135. – С. 112.

² Мюллер Г., Кильдюшов О. Введение жизни:.....Указ. соч. – С.

³ Мюллер Г., Кильдюшов О. Введение жизни:.....Указ. соч. – С. 121 – 126.

⁴ Блоссфельд Х., Хьюинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2006, Том IX, №1 (34). – С. 15 – 44. – С. 16.

продолжительных состояний и характеристик людей, которые с течением времени изменяются в связи с деятельностью и событиями. Формально жизненный путь можно *описать как стохастический процесс с непрерывной временной осью и многомерным пространством состояний, отражающим изменяющиеся во времени свойства, позиции и качества людей*⁵.

Конкретнее, Хьюнинк И. пишет о ряде структурных характеристик и условий планирования и организации жизни: - Путь индивида в определенной жизненной сфере – это самореференциальный процесс; - Жизненный путь человека — это многомерный процесс. Он протекает в нескольких взаимосвязанных жизненных сферах; - Жизненный путь человека включен в высокодифференцированные многоуровневые общественные процессы. Тема практик жизни / духовных практик была интересна не только М. Веберу, но и П. Адо⁶, М. Фуко, М. де Серто, в российской философии А. Лосеву, Д. Лихачеву, С. Аверинцеву, С. Хоружему, О. Генисаретскому, В. Бибихину, Г. Прохорову, О. Седаковой, Р. Гальцевой, Т. Горичевой, И. Роднянской.

Наша далеко не полная историко-философская реконструкция темы «управления жизни» или «ведения жизни» показывает, что Д.В. Попов безусловно прав в выборе *объекта и предмета* диссертационного исследования.

Действительно, делая предметом исследования «антропологические, культурные и социальные проблемы биополитического конструирования человека, отражающие телеологические, ценностные, научно-технические и организационно-бюрократические формы управления жизнью человека, характерные для биовласти», Д.В. Попов выходит на уровень *антроподиагностики* современности.

Подобного рода *диагностика* как тип знания открывает перед нами множественность форм человеческого бытия, каждое из которых несет в себе

⁵ Блоссфельд Х., Хьюнинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2006, Том IX, №1 (34). – С. 15 – 44. – С. 17.

⁶ См.: Адо П. Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. – М.: СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. – 286 с.; Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пьер Адо; пер. с франц. при участии В.А. Воробьева. – Челябинск: Социум, 2010. – 288 с.

некое измерение человеческого существования, а потому должно быть осмыслено и введено в контекст современности (культуры, истории, социума). Более того, понимание множественности человеческого бытия создает условие для роста аксиоматической и аксиологической позиции в мировоззрении эпохи, направленной на раскрытие и преумножение множественности как гарантии снижения рисков одномерности, отчуждения и редукционизма социального познания и социально-цивилизационного развития.

Относительно *степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций* диссертационного исследования Д.В. Попова следует отметить: все они (7 – семь тезисов научной новизны и 9 – девять концептуальных положений) обладают необходимой полнотой аргументации и представляют собой *теоретико-методологическую новацию*, значительно обогащающую современное философско-гуманитарное познание и выводит его на качественно новый уровень рефлексии путей развития человеческого рода. Прежде всего, знание о том, что *«биополитика моделирует образцы, стандарты, эталоны, ориентируясь на которые индивидуум обретает практический ответ на вопрос о возможном и должном поведении. Биополитика предстает в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных как для биовласти в рамках ее телеологии, так и для человека, инкорпорирующегося в социальную среду»* означает для академического сообщества и представителей гражданского общества необходимость в последовательной социально-гуманитарной экспертизе, SWOT-анализе рисков и перспектив развития человеческого рода.

Далее, следует согласиться с утверждением Д.В. Попова о том, что *генезис* стратегий биополитики начал складываться еще в государствах античного и средневекового периода. Другой вопрос, что в своей классической форме он предстал как социальная технология в эпоху Модерна, где в рамках секуляризации, рационализации, бюрократизации и сциентизации жизни сложилась *антропоформация* Нового и новейшего времени (XVII – XXI вв.).

В социально-философском плане важно, что Д.В. Попов глубоко изучил и типизировал модели взаимодействия биовласти и населения (торг, шантаж, гражданская война), а также дал несколько вариантов стратегического или форсайт мышления относительно развития биополитики в XXI в. Полагаю, что дальнейшие исследования социально-философского и философско-антропологического характера будут учитывать систематизацию биополитических инструментов Д.В. Попова (С.14), а именно а) дисциплинаризация, б) регуляция, в) медикализация, г) нормализация, д) индоктринация, е) практическая идеализация и и) иммунизация.

Большое теоретическое значение для реконструкции динамики практик управления жизнью имеет типология форм отношения человека к собственной жизни, предложенная Д.В. Поповым (С.16 введения). Образы биохрисии, биоанисихии, биоургии позволяют выстроить спектр практик «заботы о себе» в современном социально-гуманитарном дискурсе.

Теоретико-методологический уровень выполненного Д.В. Поповым диссертационного исследования, на наш взгляд, заслуживает высшей оценки.

Высокая теоретико-методологическая культура диссертанта проявляется во всем. Прежде всего, это воплощается в продуманной логической структуре всего исследования, каждой его главы и параграфа. Исторические тенденции, герменевтические штудии, феноменологическая аналитика, социально-антропологические ситуации, социально-философское расследование, аксиологические деконструкции – кажется, все методологические стратегии философии нашли свое гармоничное воплощение в тексте диссертации, создавая панорамное восприятие проблематики, а также теоретическую «оптику» понимания философских тем, очерчивающих объект и предмет исследования.

Отдельно среди достоинств работы следует отметить масштаб и степень проработанности отечественной и зарубежной философско-научной литературы (293 позиции).

Не будет преувеличением утверждение о том, что Д.В. Попов проделал не междисциплинарный, а трансдисциплинарный анализ проблематики «управления жизнью», что делает его исследование важным не только для философов, но и медиков, педагогов, психологов, социологов, политологов, экономистов и культурологов, религиоведов и историков. Конкретнее, изучение взаимодействия биовласти и населения опирается на исследования Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Н. Макиавелли, Ф. Ницше, М. Фуко, М. де Серто, Г. Бейтсона, И. Гофмана, П. Бурдьё, Б. Латура, Н. Лумана, Дж. Баррата, Н. Бострома, М. Деланды, Ш. Зубофф, Н. Карра, Р. Курцвейла, К. Малабу, М. Форда, С. Фуллера, Э. Юдковски, Ж. Батая, Р. Брайдотти, Ж. Бодрийяра, А.А. Зиновьева, А. Кожева, Ф. Фукуямы, Д. Харавей, Ю.Н. Харари, М. Эпштейна, Дж. Агамбена, И. Канта, А. Мбембе, Р. Эспозито, А.В. Яркеева. Важно, что диссертант обратился к работам в области биологии (Э. Уилсон), нейронаук (М. Газзанига, А. Дамасио, Н. Дойдж).

Среди замечаний, не способных изменить положительную оценку диссертационного исследования Д.В. Попова, следует выделить следующие:

- в описании практик биохрисии, биоанисихии, биоургии мы можем наблюдать неравномерность в их историко-теоретической реконструкции. Полагаю, что диссертант мог уделить большее внимание соразмерному описанию и пониманию указанных практик «управления жизнью»;

- на протяжении всей диссертационной работы явно прослеживается применение автором аналитических и критических стратегий в изучении темы, но практически слабо ставятся вопросы о том, как и каким образом, мы можем снизить риски практик «управления жизнью» в современности, какие меры могут предпринимать институты гражданского общества для развития российского общества в нач. XXI в.;

- констатируя высокий теоретико-методологический уровень исследования, следует отметить, что далеко не все положения достаточно аргументированы в историко-культурном, политологическом или

религиоведческом плане. В силу этого ряд весьма смелых гипотез Д.В. Попова как бы «провисают», нуждаются в дополнительной проработке.

Помимо замечаний к исследованию Д.В. Попова, у меня как официального оппонента есть методологическое предложение. Полагаю, что уровень социально-философского и антропологического рассмотрения темы биополитики получил бы иной ракурс, если бы он привлек к анализу концепцию синергийной антропологии С.С. Хоружего. «Стержнем» синергийной антропологии выступает дискурс синергии, создающий для всех устоявшихся теоретических структур философского знания «поле» приложения сил. Синергийная антропология по отношению ко всему социально-гуманитарному дискурсу совершает антропологический переворот, сущность которого состоит в том, что социальное на поверку оказывается производной от антропологического желания человека манифестировать свое бытие, разомкнуть к Иному свое телесное (корпускулярное) существование. Общество, культура, история, цивилизация предстают как человекосоразмерные размерности, все бытие которых буквально держится на усилиях тех, кто способен увидеть в них «поле» собственной антропологической практики. Имеющиеся в социуме традиции, поля и структуры свидетельствуют о неизбежности человеческого рода и многообразии способов (органонов) его бытия. Таким образом, синергийная антропология возвращает в социально-философский дискурс человека и утверждает его как весьма сложную и динамическую реальность, способную к преобразованию сущего, как минимум, в трех формах (энергийном, эссенциальном, виртуальном). Множество энергий человеческого бытия вовлекаются и выстраиваются в единую холистскую стратегию его пребывания в сущем. По С.С. Хоружему, когда синергийная антропология выступает как ядро эпистемы, то сразу становится понятной производящая, генеративная роль самого человека в гуманитарном знании, проясняется факт того, что любой дискурс конституируется человеком, что создает своеобразный эпистемологический круг, опирающийся на совокупность эпифеноменов антропологической реальности, явно не вмещающих широкой

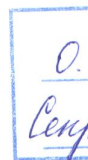
палитры антропологических проявлений. Главное, что синергийная антропология выступает в активно-деятельном залоге как эпистемостроительное начало в реальности. С точки зрения синергийной антропологии биополитика явно выступает онтической структурой, которая игнорирует онтологическое измерение человеческого бытия. Поэтому, полагаю, что академическое сообщество должно раскрывать редукционизм политических и экономических моделей человека, показывать и отстаивать целостный образ человека, его богатство Антропологической Границы.

Учитывая все сказанное, можно сделать вывод. Диссертация Попова Дмитрия Владимировича на тему «Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики», отвечает всем критериям, указанным в разделе II «Положения о присуждении ученых степеней» (параграфы 9, 10,11,12,13,14), утвержденного Постановлением Правительства РФ 24.09.2013 г. № 842 в редакции на 20.03.2021 г., а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8. – философская антропология, философия культуры (философские науки).

Официальный оппонент:

Агапов Олег Дмитриевич,
доктор философских наук, профессор
Частного образовательного учреждения
высшего образования «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова»
E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru
тел. 8-917-918-69-25

14 марта 2023 г.

Адрес местонахождения образовательной организации:
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 42